

ЕВГЕНІЙ
ОНЪГИНЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1825.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1825.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ шѣмъ, чтобы, по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ *сечь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Декабря 29 дня, 1824 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

ПОСВЯЩЕНО
БРАТУ ЛЬВУ СЕРГѢВИЧУ
ПУШКИНУ.

Вотъ начало большаго стихотворенія, которое, вѣроятно, не будетъ окончено.

Нѣсколько пѣсень, или главъ Евгенія Онегина уже готовы. Писанныя подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ веселости, ознаменовавшей первыя произведенія автора Руслана и Людмилы.

Первая глава представляетъ нѣчто цѣлое. Она въ себѣ заключаетъ описаніе свѣтской жизни Петербургскаго молодого геловѣка въ концѣ 1819 года и напоминаетъ Беппо, шуточное произведеніе мрачнаго Байрона.

Дальновидные критики замѣтятъ конечно недостатокъ плана. Всякой воленъ судить о планѣ цѣлаго романа, прогитавъ первую главу онаго. Станутъ осуждать и антипоэтигескій характеръ глав-

УІІІ

наго лица, сбивающагося на Кавказскаго Пльнника, также нѣкоторыя строфы, писанныя въ упоминительномъ родѣ новѣйшихъ элегій, въ коихъ чувство унынія поглотило всѣ прочія. Но да будетъ намъ позволено обратить вниманіе читателей на достоинства, рѣдкія въ сатирическомъ писателѣ: отсутствіе оскорбительной мзгности и наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ.

РАЗГОВОРЪ

КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

Книгопродавецъ (*).

Спишки для васъ одна забава;
Немножко споишь вамъ присѣсть,
И разгласишь успѣла слава
Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
Поэма, говорятъ, гопова,
Плодъ новый умспвенныхъ замѣй.
И такъ рѣшите; жду я слова:
Назначше сами цѣну ей.
Спишки любимца музъ и грацій

(*) Замѣнимъ для щекопливыхъ блюстителей приличій, что Книгопродавецъ и Поэтъ оба лица вымышленныя. Похвалы первого не что иное, какъ свѣтская вѣжливосць, притворство, необходимое въ разговорѣ, если не въ журналѣ.

ХІІ

Мы вмигъ рублями замѣнимъ,
И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши обратимъ.
О чемъ вздохнули шакъ глубоко,
Не лзя ль узнатьъ?

Поэтъ.

Я былъ далёко:

Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богачый,
Поэшь безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ плапы.
Я видѣлъ вновь приюпы скаль
И шемный кровь уединенья,
Гдѣ я на пиръ воображенья,
Бывало, музу призывалъ.
Тамъ слаще голось мой звучалъ;
Тамъ долѣ яркія видѣнья,
Съ неизьясною красой,

Вились , лепали надо мной
Въ часы ночнаго вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ , луны блиспанье ,
Въ часовнѣ вешхой бури шумъ ,
Спарушки чудное преданье.
Какой - то демонъ обладалъ
Моими играми , досугомъ ;
За мной повсюду онъ леталъ ,
Мнѣ звуки дивныя шепталъ ,
И тяжкимъ , пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава ;
Въ ней грезы чудныя рождались ;
Въ размѣры стройныя спекались
Мои послушныя слова
И звонкой риемой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ , иль вихоръ буйной ,
Иль иволги напѣвъ живой ,

XIV

Иль ночью моря гуль глухой,
Иль шопощь рѣчки шихоспруйной.
Тогда, въ безмолви прудовъ,
Дѣлишься не былъ я гошовъ
Съ шолпою пламеннымъ воспоргомъ,
И музы сладостныхъ даровъ
Не унижалъ поспыднымъ шоргомъ;
Я бытъ хранишель ихъ скупой:
Такъ шочно, въ гордоспи нѣмой,
Опъ взоровъ черни лицемѣрной
Дары любовницы молодой
Хранишь любовникъ суевѣрной.

Книгопродавецъ.

Но слава замѣнила вамъ
Мечпанья шайнаго опрады:
Вы разошлись по рукамъ,
Межь шѣмъ, какъ пыльные громады
Лежалой прозы и стиховъ

Напрасно ждутьъ себѣ чтецовъ,
И въспрренной ея награды.

П о э т ь.

Блаженъ, кто про себя шайлъ
Души высокія созданья,
И опъ людей, какъ опъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, перномъ славы неувишый,
Презрѣнной чернію забышый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шопошъ ли чтеца?
Гоненье ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?

Книгопродавецъ.

Лордъ Байронъ былъ того же мнѣнья;
Жуковскій шо же говорилъ:

ХVІ

Но свѣсть узналъ и разкупилъ
Ихъ сладкозвучныя шворенья.
И впрямъ, завиденъ вашъ удѣлъ:
Поэсть казнишь, поэсть вѣнчаешь;
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ спрѣлъ
Въ попомствѣ дальномъ поражаетъ;
Героевъ упѣшаетъ онъ;
Съ Кориной на Киеерскій шронъ
Свою любовницу возноситъ.
Хвала для васъ докучный звонъ;
Но сердце женщинъ славы проситъ:
Для нихъ пишите; ихъ ушамъ
Пріяшна леспъ Анакреона:
Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

П о э т ь.

Самолюбивыя мечпы,
Ушѣхи юности безумной!

И я, средь бури жизни шумной,
Искаль вниманья красоты.
Глаза прелестныя чипали
Меня съ улыбкою любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои:
Но полно; въ жертву имъ свободы
Мечпашель ужь не принесеть;
Пускай ихъ Шаликовъ поеть,
Любезный баловень природы.
Что мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Спонь лиры вѣрной не коснешся
Ихъ легкой, въспренной души:
Нечисло въ нихъ воображенье;
Не понимаетъ насъ оно,
И, признакъ Бога, вдохновенье
Для нихъ чуждо и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно

XVIII

Придесть внушенный ими стихъ ;
Я содрагаюсь ; сердцу больно ;
Мнѣ спыдно и доловъ моихъ .
Къ чему , несчастный , я спремился ?
Предъ кѣмъ унижилъ гордый умъ ?
Кого воспоргомъ чиспыхъ думъ
Богосворишь не успыдился ?

Книгопродавецъ .

Люблю вашу гнѣвъ . Таковъ поэтъ !
Причины вашихъ огорченій
Мнѣ знать нельзя ; но исключеній
Для милыхъ дамъ уже ли нѣтъ ?
Уже ли ни одна не споишь
Ни вдохновенья , ни спраспей ,
И вашихъ пѣсень не присвоишь
Всесильной красотѣ своей ?
Молчите вы .

Поэтъ.

Зачѣмъ поэпу

Тревожишь сердца тяжкій сонъ?

Безплодно память мучишь онъ.

И что жь? Какое дѣло свѣшу

(Я всѣмъ чужой), душа моя

Хранишь ли образъ незабвенный?

Любви блаженство зналъ ли я?

Тоскою ль долгой изнуренный,

Тамъ я слезы въ пишинъ?

Гдѣ ша была, копорои очи,

Какъ небо, улыбались мнѣ?

Вся жизнь: одна ли, двѣ ли ночи?

.. .. .

И что жь? Докучный спонъ любви,

Слова покажутся мои

Безумца дикимъ лепешаньемъ.

Тамъ сердце ихъ поймешь одно,

И шо съ печальнымъ содраганьемъ:

XX

Судьбою такъ ужь рѣшено.
Ахъ, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживишь,
И сны поэзіи бывалой
Толпою снова возмутишь!
Она одна бы разумѣла
Спихи неясные мои;
Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасныя желанья!
Она опвергла заклинанья,
Мольбы, поску души моей:
Земныхъ воспоговъ изліанья,
Какъ божеспву, ненужно ей.

Книгопродавецъ.

И такъ, любовью упомянутой,
Наскуча лепешомъ молвы,
Заранѣ опказались вы

Отъ вашей лиры вдохновенной.
 Теперь, оставя шумный свѣтъ,
 И музъ, и вѣтренную моду,
 Что жь изберете вы?

П о э т ь.

Свободу.

Книгопродавецъ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совѣтъ;
 Внемлите испинѣ полезной:
 Нашъ вѣкъ торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзной
 Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
 Что слава? Яркая заплата
 На вѣхомъ рубищѣ пѣвца.
 Намъ нужно злата, злата, злата:
 Копите злато до конца!
 Я знаю ваше возраженье;
 Но шумъ не вижу я спыда:
 Вамъ ваше дорого пворенье,

XXII

Пока на пламени пруда
Кипишь, бурлишь воображенье;
Оно засынешь, и тогда
Постыло вамъ и сочиненье.
Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что жь медлишь? Ужь ко мнѣ заходяшь
Неперпѣливые чщцы;
Вкругъ лавки журналисты бродяшь,
За ними шощіе пѣвцы:
Кпо просишь пищи для сапиры,
Кпо для души, кпо для пера;
И, признаюсь, опъ вашей лиры
Предвижу много я добра.

П о э т ь.

Вы совершенно правы. Вошь вамъ моя
рукопись. Условимся.

Г Л А В А П Е Р В А Я.

Pètri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

« Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
« Когда не въ шушку занемогу;
« Онъ уважать себя заставиль
« И лучше выдумать не могу;
« Его примѣръ другимъ наука:
« Но, Боже мой, какая скука
« Съ больнымъ сидѣть и день и ночь,
« Не опхотя ни шагу прочь!

« Какое низкое коварство
« Полуживаго забавляшь,
« Ему подушки поправляшь,
« Печально подносишь лѣкарство,
« Вздыхашь и думаешь про себя:
« Когда же чортъ возьмешь тебя! »

II.

Такъ думалъ молодой повѣса,
Лепя въ пыли на почповыхъ,
Всевышней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ.
Друзья Людмилы и Руслана!
Съ героемъ моего романа
Безъ предисловія сей же часъ
Позвольте познакомить васъ:
Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на берегахъ Невы,

Гдѣ, можешъ бышь, родились вы,
 Или блиспали, мой чипашель!
 Тамъ нѣкогда гуляль и я:
 Но вредень сѣверь для меня ¹.

III.

Служивъ оплично благородно,
 Долгами жилъ его опецъ,
 Даваль при бала ежегодно
 И промошался наконецъ.
 Судьба Евгенія хранила:
 Сперва *Madame* за нимъ ходила,
 Потомъ *Monsieur* ее смѣнилъ.
 Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, Французъ убогой,
 Чшобъ не измучилось дитя,
 Училъ его всему шушя,
 Не докучаль моралью спрогой,

* *

Слегка за шалости браниль
И въ Лышній садъ гуляшь водиль.

IV.

Когда же юности мяшежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти пѣжной,
Monsieur прогнали со двора.
Вошь мой Онѣгинъ на свободѣ;
Острижень по послѣдней модѣ;
Какъ *Dandy* Лондонскій одѣшь:
И наконецъ увидѣль свѣшь.
Онъ по - французски совершенно
Могъ изьясняшься и писалъ;
Легко мазурку панцоваль,
И кланялся непринужденно:
Чего жъ вамъ больше? Свѣшь рѣшилъ,
Что онъ умень и очень миль.

V.

Мы всё учились по - немногу
Чему нибудь и какъ нибудь:
Такъ воспишаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснушь.
Онѣгнѣ былъ по мнѣнью многихъ
(Судей рѣшительныхъ и спрогихъ)
Ученый малый, но педантъ.
Имѣлъ онъ счастливый талантъ
Безъ принужденья въ разговорѣ
Коснушься до всего слегка,
Съ ученымъ видомъ знашока
Хранишь молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждашь улыбку дамъ
Огнемъ неожиданныхъ эпиграмъ.

VI.

Лашынь изъ моды вышла нынѣ:
Такъ, если правду вамъ скажешь,

6

Онъ зналъ довольно по - лапынѣ,
Чтобъ эпитафьи разбирашь,
Пополковашь объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поспавишь *vale*,
Да помнилъ, хопъ не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два сшиха.

Онъ рыпъся не имѣлъ охопы
Въ хронологической пыли
Бышописанія земли:
Но дней минувшихъ анекдоты
Опъ Ромула до нашихъ дней
Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой спраспи не имѣя
Для звуковъ жизни не щадишь,
Не могъ онъ ямба опъ хорей,
Какъ мы ни бились, опличишь.

Браниль Омера, Θεокриша;
За то чиналь Адама Смиша,
И былъ глубокой экономя,
То ешь, умья судишь о шомь,
Какъ государство богащьясь,
И чья живешь, и почему
Не нужно золоша ему,
Когда простой продукть имьясь.
Опець поняшь его не могъ
И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналь еще Евгений
Пересказашь мнѣ недосугъ;
Но въ чемъ онъ истинный былъ геній,
Что зналь онъ шверже всѣхъ наукъ,
Что было для него измлада
И шрудъ и мука и ошрада,

Что занимало цѣлый день
Его поскующую лѣнь,
Была наука спраспи нѣжной,
Которую воспѣлъ Назонъ,
За что спрадальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мяпежной
Въ Молдавіи, въ глуши степей,
Вдали Ишалии своей ².

IX.

.....
.....
.....

X.

Какъ рано могъ онъ лицемѣришь,
Таишь надежду, ревновашь,

Разувѣряшь, заставишь вѣришь,
Казаться мрачнымъ, изнываешь,
Являешься гордымъ и послушнымъ,
Внимательнымъ, иль равнодушнымъ!
Какъ шомно былъ онъ молчаливъ,
Какъ пламенно краснорѣчивъ,
Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
Однимъ дыша, одно любя,
Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
Какъ взоръ его былъ быстръ и нѣженъ,
Спыдливъ и дерзокъ, а порой
Блестала послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
Шупя невинность изумляешь,
Пугаешь опчаяньемъ гошовымъ,
Пріятной лестью забавляешь,

Ловишь минушу умиленья,
Невинныхъ лѣпъ предубѣжденья
Умомъ и страспью побѣждашь,
Невольной ласки ожидашь,
Молишь и шребовашь признанья,
Подслушашь сердца первый звукъ,
Преслѣдовашь любовь, и вдругъ
Добишься тайнаго свиданья,
И послѣ, ей наединѣ,
Давашь уроки въ шишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужь онъ шревожишь
Сердца кокешокъ записныхъ!
Когда жь хопѣлось уничпожишь
Ему соперниковъ своихъ,
Какъ онъ язвипельно злословиль!
Какія сѣши имъ гошовиль!

Но вы, блаженные мужья,
 Съ нимъ оставались вы друзья.
 Его ласкаль супругъ лукавый,
 Фобласа давній ученикъ,
 И недовѣрчивый спарикъ,
 И рогоносецъ величавый,
 Всегда доволецный самъ собой,
 Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII. XIV.

.....

XV.

Бывало, онъ еще въ поспелѣ:
 Къ нему записочки несуть.
 Чшо? Приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
 Три дома на вечеръ зовуть:

У Князя балъ, у Графа праздникъ.
 Куда жь поскачешъ мой проказникъ?
 Съ кого начнешъ онъ? Все равно:
 Вездѣ поспѣшь немудрено.
 Покамѣсть въ упреннемъ уборѣ,
 Надѣвъ широкій боливаръ,
 Онѣгинь ѣдетъ на бульваръ,
 И шамъ гуляешъ на проспектъ,
 Пока недремлющій Брегешъ
 Не прозвонишь ему обѣдъ.

XVI.

Ужь темно: въ санки онъ садится.
 Поди, поди: раздался крикъ;
 Морозной пылью серебрился
 Его бобровый ворошникъ.
 Къ *Talon* ³ помчался: онъ увѣренъ,
 Чшо шамъ ужь ждешъ его ***

Вошелъ: и пробка въ пополокъ,
Вина комешы брызнулъ шокъ,
Предъ нимъ *Rost-beef* окровавленный,
И шрюфли, роскошь юныхъ лыль,
Французской кухни лучшии цвѣпъ,
И Стразбурга пирогъ неплѣнный
Межь сыромъ Лимбургскимъ живымъ
И ананасомъ золошымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда просить
Залишь горячии жиръ коплеть;
Но звонъ Брегета имъ доносишь,
Чшо новый начался балеть.
Театра злой законодатель,
Непоспоянный обожатель
Очаровашельныхъ акшрись,
Почешный гражданинъ кулись,

Онѣгинъ полетѣлъ къ театру,
 Гдѣ каждый, кришикой дыша,
 Готовъ охлопашъ *Entrechat*,
 Обшикашъ Федру, Клеопатру,
 Моину вызвать для шого,
 Чшобъ шолько слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
 Саширы смѣлой власпелинь,
 Блиспаль Фонвизинъ, другъ свободы,
 И переимчивый Княжнинъ;
 Тамъ Озеровъ невольны дани
 Народныхъ слезъ, рукоплесканій
 Съ молодой Семеновой дѣлили;
 Тамъ нашъ Капенинъ воскресилъ
 Корнеля гений величавой;
 Тамъ вывелъ колкій Шаховской

Своихъ комедій шумный рой;
 Тамъ и Дидло вьнчался славой:
 Тамъ, шамъ подь сѣнію кулись
 Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини! Чпо вы? Гдѣ вы?
 Внемлите мои печальныи гласъ:
 Все пѣже ль вы? Другія ль дѣвы,
 Смѣнивъ, не замѣнили васъ?
 Услышу ль вновь я ваши хоры?
 Узрю ли русской Терпсихоры
 Душой исполненный полешъ?
 Иль взоръ унымый не найдетъ
 Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
 И, устремивъ на чуждый свѣтъ
 Разочарованныи лорнетъ,
 Веселья зришель равнодушной,

Безмолвно буду я зевать
И о быломъ воспоминашь?

XX.

Театръ ужь полонъ; ложи блещуть;
Партеръ и кресла, все кипитъ;
Въ райкѣ неперпѣлнво плещуть,
И, взвившись, занавѣсь шумитъ.
Блеспашельна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Испомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружитъ,
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ лепитъ,
Лепитъ, какъ пухъ ошъ уссть Эола;
То спань совѣсть, шо разовѣсть,
И быспрой ножкой пожку бѣсть.

XXI.

Все хлопаешь. Онѣгинь входишь :
Идешь межъ кресель по ногамъ,
Двойной лорнешъ скосясь наводишь
На ложи незнакомыхъ дамъ;
Всѣ ярусы окинулъ взоромъ,
Все видѣлъ: лицами, уборомъ
Ужасно недоволенъ онъ;
Съ мущинами со всѣхъ споронъ
Разкланялся, попомъ на сцену
Въ большомъ разсѣяньи взглянулъ,
Отворошился, и зевнулъ,
И молвилъ: всѣхъ пора на смѣну;
Балешы долго я шерпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ 4.

XXII.

Еще амуры, черши, змѣи
На сценѣ скачущъ и шумящъ;

Еще усталые лакеи
На шубахъ у подъѣзда спяшь;
Еще не переспали шопашъ,
Сморкашься, кашляшь, щикашь, хлопашь;
Еще снаружи и внутри
Вездѣ блистають фонари;
Еще, прозябнувъ, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокругъ огней,
Браняшь господъ и бьють въ ладони:
А ужь Онѣгинъ вышелъ вонъ;
Домой одѣшься ѣдешь онъ.

XXIII.

Изобразу ль въ каршинѣ вѣрной
Уединенный кабинетъ,
Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной
Одѣшь, раздѣшь и вновь одѣшь?

Все, чѣмъ для прихоши обильной,
Торгуешь Лондонъ щепещильной
И по Балшическимъ волнамъ
За лѣсъ и сало возишь намъ,
Все, что въ Парижѣ вкусъ голодной,
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаешь для забавъ,
Для роскоши, для нѣги модной,
Все украшало кабинешъ
Философа въ осмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
Фарфоръ и бронза на сполѣ,
И, чувствъ изнѣженныхъ отрада,
Духи въ граненомъ хрусталѣ;
Гребенки, пилочки спальныя,
Прямая ножницы, кривыя,

И щетки тридцати родовъ
И для ногшей и для зубовъ.
Руссо (замѣчу мимоходомъ)
Не могъ понять, какъ важный Гримъ
Смѣлъ чистишь ногши передъ нимъ,
Краснорѣчивымъ сумасбродомъ 5:
Защипникъ вольности и правъ
Въ семь случаевъ совсѣмъ неправъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человекомъ
И думать о красѣ ногшей:
Къ чему безплодно спорить съ вѣкомъ?
Обычай деспотъ межъ людей.
Вспорой ***, мой Евгенийъ,
Боясь ревнивыхъ осужденій,
Въ своей одеждѣ былъ педантъ
И то, что мы назвали франтъ.

Онъ при часа, по крайней мѣрѣ,
 Предъ зеркалами проводилъ,
 И изъ уборной выходилъ
 Подобный вътренной Венерѣ,
 Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
 Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ шуалешомъ
 Занявъ вашъ любопытный взглядъ,
 Я могъ бы предъ ученымъ свѣпомъ
 Здѣсь описать его нарядъ;
 Конечно бь это было смѣло,
 Описывать мое же дѣло:
 Но *панталоны, фракъ, жилетъ,*
 Всѣхъ эпихъ словъ на рускомъ нѣшъ;
 А вижу я, винюсь предъ вами,
 Чшо ужъ и шакъ мой бѣдный слогъ

Песпръшь гораздо меньше бь могь
Иноплеменными словами,
Хошь и заглядываль я вспарь
Вь Академическій словарь б.

XXVII.

У насъ шеперь не шо вь предметъ:
Мы лучше поспѣшимъ на балъ,
Куда спремглавь вь ямской каретъ
Ужь мой Онѣгинъ поскакаль.
Передъ померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари каретъ
Веселый изливають свѣтъ
И радуги на снѣгъ наводяшь;
Усыанъ плошками крутомъ,
Блеснишь великолѣпный домъ;
По цѣльнымъ окнамъ шѣни ходяшь,

Мелькають профили головъ
И дамъ и модныхъ чудаковъ.

XXVIII.

Вошь нашъ герой подьхаль къ снѣнямъ;
Швейцара мимо, онъ стрѣлой
Взлетѣль по мраморнымъ ступенямъ,
Разправиль волоса рукой,
Вошелъ. Полна народу зала;
Музыка ужъ гремѣшь усшала;
Толпа мазуркой заняша;
Кругомъ и шумъ и шѣсноша;
Брянчашъ кавалергарда шпоры;
Лешають ножки милыхъ дамъ;
По ихъ плѣнительнымъ слѣдамъ
Лешають пламенные взоры,
И ревомъ скрыпокъ заглушень
Ревнивый шопощъ модныхъ женъ.

XXIX.

Во дни веселій и желаній
Я былъ опъ баловъ безъ ума:
Върнѣй нѣшъ мѣста для признаній
И для врученія письма.
О вы, почтенные супруги!
Вамъ предложу свои услуги;
Прошу мою замѣшишь рѣчь:
Я васъ хочу предостеречь.
Вы шакже, маминьки, поспроже
За дочерьми смоприше вельдь:
Держише прямо свой лорнешь!
Не шо . . . не шо избави, Боже!
Я это пошому пишу,
Чшо ужь давно я не грѣшу.

XXX.

Увы, на разныя забавы
Я много жизни погубиль!

Но если бь не страдали нравы,
 Я балы бь до сихь порь любиль.
 Люблю я бьшеную младось,
 И шьсношу, и блескъ, и радось,
 И дамь обдуманнь нарядь;
 Люблю ихь ножки: полько врядь
 Найдеше вы въ Россіи цьлой
 Три пары спройныхь женскихь ногь.
 Ахь, долго я забышь не могь
 Двь ножки!... Грушний, охладьлой,
 И нынче иногда во снѣ
 Онѣ смущающь сердце мнѣ (*).

XXXI.

Когда жь, и гдѣ, въ какой пущынѣ,
 Безумець, ихь забудешь ты?

(*). Непросишельный галицизмъ. Сог.

Ахъ, ножки, ножки! Гдѣ вы нынѣ?
Гдѣ менше вѣшніе цвѣты?
Взмелѣяны въ восточной нѣгѣ,
На сѣверномъ, печальномъ снѣгѣ
Вы не оставили слѣдовъ:
Любили мягкихъ вы ковровъ
Роскошное прикосновенье.
Давно ль для васъ я забывалъ
И жажду славы и похвалъ,
И край опцевъ и започенье?
Исчезло счастье юныхъ лѣтъ,
Какъ на лугахъ вашъ легкій слѣдъ.

XXXII.

Діаны грудь, ланины Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ - по для меня.

Она, пророчествуя взгляду
 Неоцѣненную награду,
 Влечешь условною красой
 Желаній своевольный рой.
 Люблю ее, мой другъ Эльвина,
 Подъ длинной скашерпью шоловь,
 Весной на муравъ луговъ,
 Зимой на чугунъ камина,
 На зеркальномъ паркешъ заль,
 У моря на гранишъ скаль.

XXXIII.

Я помню море предъ грозою:
 Какъ я завидоваль волнамъ,
 Бѣгущимъ бурной чередою
 Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
 Какъ я желаль погда съ волнами
 Коснушься милыхъ ногъ уснами!

* *

Нѣшь, никогда средѣ пылкихъ дней
Кипящей младости моей
Я не желалъ съ шакимъ мученьемъ
Лобзать уста молодыхъ Армидъ,
Иль розы пламенныхъ ланишь,
Иль перси, полныя шомленьемъ;
Нѣшь, никогда порывъ спрасшей
Такъ не шерзаль души моей.

XXXIV.

Мнѣ памятно другое время:
Въ завѣсныхъ иногда мечпахъ
Держу я счастливое спремя
И ножку чувствую въ рукахъ;
Опяшь кипишь воображенье,
Опяшь ея прикосновенье
Зажгло въ увядшемъ сердцѣ кровь,
Опяшь шоска, опяшь любовь...

Но полно прославляшь надменныхъ
Болпливой лирою своею:
Онъ не стояшь ни спраспей,
Ни пѣсень, ими вдохновенныхъ;
Слова и взоръ волшебницъ сихъ
Обманчивы, какъ ножки ихъ.

XXXV.

Что жь мой Онѣгинъ? Полусонный
Въ постелю съ бала ѣдешь онъ:
А Петербургъ неугомонный
Ужь барабаномъ пробуждѣнъ.
Встаешь купецъ, идешь разнощикъ,
На биржу тянешся извоцникъ,
Съ кувшиномъ Охшенка спѣшишь,
Подъ ней снѣгъ упреннй хрустишь.
Проснулся упра шумъ пріятный,
Ошкрышы ставни, шрубный дымъ

30

Сполбомъ возходишь голубымъ,
И хлѣбникъ, Нѣмецъ акурашный,
Въ бумажномъ колпакѣ, неразъ
Ужь опворяль свой *васисдасть*.

XXXVI.

Но, шумомъ бала упомянутой,
И упря въ полночь обрапя,
Спокойно спишь въ тѣни блаженной
Забавъ и роскоши дыпя.
Проснешся за полдень, и снова
До утра жизнь его гошова,
Однообразна и пестра,
И завтра шоже, что вчера.
Но былъ ли счастливъ мой Евгенийъ,
Свободный, въ цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ,
Среди блистательныхъ побѣдъ,
Среди всеневныхъ наслажденій?

Вошце ли былъ онъ средь пировъ
 Неосторожень и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ: рано чувства въ немъ оспыли;
 Ему наскучилъ свѣта шумъ;
 Красавицы недолго были
 Предметъ его привычныхъ думъ;
 Измѣны ушомышъ успѣли;
 Друзья и дружба надоѣли,
 За пѣмъ, что не всегда же могъ
Beef - steaks и Спразбургскій пирогъ
 Шампанской обливать бутылкой
 И сыпать оспрыя слова,
 Когда болѣла голова:
 И хопъ онъ былъ повѣса пылкой,
 Но разлюбилъ онъ наконецъ
 И брань и саблю и свинець.

XXXVIII.

Недугъ, кошораго причину
 Давно бы опыскашь пора,
 Подобный Англійскому *Сплину*,
 Короче: Руская *Хандра*
 Имъ овладѣла по - немногу;
 Онъ засирѣлишься, слава Богу,
 Попробовашь не захошѣль,
 Но къ жизни вовсе охладѣль.
 Какъ *Child - Harold*, угрюмый, шомный
 Въ госпинныхъ появлялся онъ;
 Ни сплешни свѣта, ни боспонъ,
 Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
 Ничшо не прогало его,
 Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XLI.

.

XLII.

Причудницы большого свѣта!
Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
И правда то, что въ наши лѣта
Довольно скученъ лучшій понъ.
Хоть, можете быть, иная дама
Толкуеть Сея и Беншама;
Но вообще ихъ разговоръ
Несносный, хоть невинный вздоръ.
Къ тому жь онѣ шакъ величавы,
Такъ непорочны, шакъ умны,
Такъ благочестія полны,
Такъ чисто сохраняюшь нравы,
Такъ неприступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужь раждаетъ сплинъ 7.

XLIII.

И вы, красочки молодая,
Кошорыхъ позднею порой

Уносять дрожки удалыя
По Пешербургской мостовой,
И вась покинулъ мой Евгеній.
Опшпунникъ бурныхъ наслажденій,
Онъгинь дома заперся,
Зевая, за перо взялся,
Хотѣль писашь: но шрудъ упорный
Ему былъ пошенъ; ничего
Не вышло изъ пера его,
И не попалъ онъ въ цѣхъ задорный
Людей, о коихъ не сужу,
За шѣмъ, чшо къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И снова, преданный бездѣлю,
Томясь душевной пущпопой,
Усѣлся онъ съ похвальной цѣлю
Себѣ присвоишь умъ чужой;

Опрядомъ книгъ устлавиль полку,
Чипаль, чипаль, а все безъ полку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла шарина,
И старымъ бредишь новизна.
Какъ женщину, онъ оставиль книги,
И полку, съ пыльной ихъ семьей,
Задержнулъ траурной шафшой.

XLV.

Кто жилъ и мыслилъ, топъ не можешь
Въ душѣ не презираешь людей;
Кто чувствовалъ, того тревожишь
Призракъ невозвратимыхъ дней:
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змѣя воспоминаній,

Того раскаянье грызешь.
Все эшо часто придаешь
Большую прелесь разговору.
Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущаль; но я привыкъ
Къ его язвительному спору,
И шушкѣ, съ желчью пополамъ,
И злоспи мрачныхъ эпиграмъ.

XLVI.

Условій свѣща свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отсшавъ отъ суешы,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его чершы,
Мечшамъ невольная преданность,
Неподражаемая странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.
Я былъ озлоблень, онъ угрюмъ;

Спрасшей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой Форшуны и людей
На самомъ упрѣ нашихъ дней.

XLVII.

Какъ часто лѣшнею порою,
Когда прозрачно и свѣшло
Ночное небо надъ Невою 8,
И водъ веселое сшкло
Не отражаешь ликъ Діаны,
Воспомня прежнихъ лѣшь романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствившительны, безпечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!

Какъ въ лѣсъ зеленой изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонной,
Такъ уносились мы мечшой
Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душою, полной сожалѣній,
И опершися на границь,
Стояль задумчиво Евгенийъ,
Какъ описаль себя Пипль 9.
Все было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые;
Да дрожекъ опдаленный спукъ
Съ Мильонной раздавался вдругъ;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей рѣкѣ:
И насъ плѣняли вдалекъ
Рожекъ и пѣсня удамая.

Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
Напѣвъ Торквашовыхъ оклавъ!

XLIX.

Адріатическія волны,
О Бренша! Нынь, увижу васъ,
И, вдохновенья снова полный,
Услышу вашъ волшебный гласъ:
Онъ свящъ для внуковъ Аполлона;
По гордой лирѣ Альбіона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
Ночей Италіи злапой
Я нѣгой наслажусь на волѣ
Съ Венеціанкою молодой,
То говорливой, то нѣмой,
Плывя въ таинственной гондолѣ;
Съ ней обрѣшущь уста мои
Языкъ Петрарки и любви.

L.

Придешь ли часъ моей свободы?
Пора, пора: взываю къ ней;
Брожу надъ моремъ ¹⁰, жду погоды,
Маню въприла кораблей.
Подъ ризой бурь, съ волнами споря,
По вольному распушью моря
Когда жь начну я вольный бѣгъ?
Пора покинушь скучный брегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей ¹¹,
Вздыхашь о сумрачной Россіи,
Гдѣ я спрадалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ.

LJ.

Онѣгинъ былъ гошовъ со мною
Увидѣшь чуждыя страны;

Но скоро были мы судьбою
На долгій срокъ разведены.
Опець его тогда скончался.
Передъ Онѣгинымъ собрался
Заимодавцевъ жадный полкъ.
У каждаго свой умъ и шолкъ:
Евгеній, паязбы ненавидя,
Довольный жребіемъ своимъ,
Наслѣдство предоставилъ имъ,
Большой пошері въ помъ невидя,
Иль предузнавъ издалика
Кончину дяди спарика.

ЛІІ.

Вдругъ получилъ онъ въ самомъ дѣлѣ
Опъ управителя докладъ,
Что дядя при смерти въ постель
И съ нимъ простишься былъ бы радъ.

Прочтя печальное посланье,
Евгеній потчасъ на свиданье
Спремглавъ по почтѣ поскакаль
И ужь заранѣ зеваль,
Приготовляясь, денегъ ради,
На вздохи, скуку и обманъ
(И шѣмъ я началъ мой романъ);
Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
Его нашель ужь на споль,
Какъ дань, гошовую землѣ.

ЛІІІ.

Нашель онъ полонъ дворъ услуги;
Къ покойнику со всѣхъ споронъ
Съѣзжались недруги и други,
Охошники до похоронъ.
Покойника похоронили.
Поны и гости ѣли, пили,

И послѣ важно разошлись,
Какъ будто дѣломъ занялись.
Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскій жишель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
Хозяинъ полный, и досель
Порядка врагъ и распочитель,
И очень радъ, что прежній путь
Перемѣнилъ на что нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На трешій рѣща, холмъ и поле
Его не занимали болъ;
Потомъ ужъ наводили сонъ;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,

Что и въ деревнѣ скука шаже,
Хоть нѣшь ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни каршъ, ни баловъ, ни спиховъ.
Хандра ждала его на спражъ,
И бѣгала за нимъ она,
Какъ шѣнь, иль вѣрная жена.

LV.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской пишины:
Въ глуши звучите голосъ лирной,
Живите творческіе сны.
Досугамъ посвящаясь невиннымъ,
Брожу надъ озеромъ пущыннымъ,
И *far niente* мой законъ.
Я каждымъ упрямъ пробуждѣнъ
Для сладкой нѣги и свободы:
Чишаю мало, много сплю,

Лешучей славы не ловлю.
 Не такъ ли я въ былые годы
 Провель въ бездѣйствіи, въ пиши
 Мои счастливейшіе дни?

LVI.

Цѣпшы, любовь, деревня, праздность,
 Поля! Я преданъ вамъ душой.
 Всегда я радъ замѣтить разность
 Между Онѣгинѣмъ и мной,
 Чшобы насмѣшливый чашашель,
 Или какой нибудь издашель
 Замысловашой клеветшы,
 Сличая здѣсь мои чершы,
 Не повшорялъ потомъ безбожно,
 Чшо намараль я свой поршрешъ,
 Какъ Байронъ, гордости поэшъ,
 Какъ будшо намъ ужъ невозможно

Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ.

LVII.

Замѣчу кстапи: всѣ поэты
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мнѣ снились, и душа моя
Ихъ образъ тайный сохранила;
Ихъ послѣ муза оживила:
Такъ я, безпечень, воспѣвалъ
И дѣву горь, мой идеаль,
И плѣнницъ береговъ Салгира.
Теперь ошъ васъ, мои друзья,
Вопросъ нерѣдко слышу я:
« О комъ твоя вздыхаешь лира?
« Кому, въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ,
« Ты посвятилъ ея напѣвъ?»

LVIII.

« Чей взоръ, волнуя вдохновенье,
 « Умильной лаской наградила
 « Твое задумчивое пѣнье?
 « Кого швой стихъ богошвориль?»

И, други, никого, ей Богу!
 Любви безумную шревогу
 Я безопрадно испыналъ.
 Блаженъ, кто съ нею сочепалъ
 Горячку риемъ: онъ шѣмъ удвоиль
 Поэзиі священный бредъ,
 Петраркѣ шествуя вослѣдъ,
 А муки сердца успокоиль,
 Поймалъ и славу между шѣмъ;
 Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.

LIX.

Прошла любовь, явилась муза,
 И прояснилъ шемный умъ.

Свободень, вновь ищущу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
Пишу, и сердце не поскуешь;
Перо, забывшись, не рисуешь,
Близъ неоконченныхъ стиховъ,
Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;
Погасшій пепель ужъ не вспыхнешь,
Я все грущу; но слезъ ужъ нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнешь:
Тогда-то я начну писать
Поэму пѣсень въ двадцать пять.

LX.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
И какъ героя назову;
Покажѣсь моего романа
Я кончилъ первую главу:

Пересмотрѣлъ все это строго;
Противорѣчій очень много,
Но ихъ исправить не хочу;
Цензурѣ долгъ свой заплачу,
И журналистамъ на съеденье
Плоды трудовъ моихъ опдамъ:
Иди же къ Невскимъ берегамъ,
Новорожденное творенье,
И заслужи мнѣ славы дань,
Кривые полки, шумъ и брань!

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ЕВГЕНІЮ ОНѢГИНУ.

1. *Но вреденъ свѣръ для меня.*

Писано въ Бессарабіи.

2. *Вдали Италіи своей.*

Мнѣніе, будто бы Овидій былъ сосланъ въ нынѣшній Акерманъ, ни на чемъ не основано. Въ своихъ элегіяхъ *Ex ponto* онъ ясно назначаетъ мѣспомъ своего пребыванія городъ *Толы* при самомъ устьѣ Дуная. Сполъ же несправедливо и мнѣніе Вольшера, полагающаго причиной его изгнанія шайную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около пятидесяти лѣтъ, а развратная Юлія, десяти лѣтъ тому прежде, была сама изгнана ревнивымъ своимъ родителемъ. Прочія догадки ученыхъ не что иное, какъ

догадки. Поэшь сдержалъ свое слово, и
шайна его съ нимъ умерла:

Alterius facti culpa silenda mihi.

Прилѣт. Сот.

3. *Къ Talon полтался.*

Извѣстный рестораторъ того времени.

4. *Но и Дидло мнѣ надоѣлѣ.*

Черта охлажденнаго чувства, достойная Чельдь - Гарольда. Балены г. Дидло исполнены живости воображенія и прелестью необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе поэзи, нежели во всей французской липерашурѣ.

5. *Слѣлѣ тистить ноети передѣ нилѣ.*

Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyois rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite

vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau.

(Confessions de J. J. Rousseau).

Гримъ опередилъ свой вѣкъ: нынѣ во всей просвѣщенной Европѣ чистятъ ногти особенной щеточкой.

6. *Въ Академическiй словарь.*

Не лзя не пожалѣть, что наши писатели слишкомъ рѣдко справляются со словаремъ Россiйской Академи. Онъ оспаненся вѣчнымъ памятникомъ попечительной воли Екашерины и просвѣщеннаго труда наслѣдниковъ Ломоносова, спрогихъ и вѣрныхъ опекуновъ языка опечественнаго. Вотъ, что говоритъ Карамзинъ въ своей рѣчи:

« Академія Россiйская ознаменовала самое начало бытія своего швореніемъ, важнѣйшимъ для языка, необходимымъ для

авшоровъ, необходимымъ для всякаго, кто желаетъ предлагать мысли съ ясностью, кто желаетъ понимать себя и другихъ. Полный словарь, изданный Академіею, принадлежитъ къ числу шѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ. Наша, безъ сомнѣнія счастливая, судьба, во всѣхъ отношеніяхъ, есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Испалія, Франція, Англія, Германія славились уже многими великими писателями, еще не имѣя словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги; имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно *классическаго* (Ломоносова), и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями Академій Флорентинской и Парижской. Екатерина Великая... кто изъ насъ и въ самый цвѣтущій вѣкъ Александра I можетъ произносить имя Ея безъ глубокаго чувства любви и благодарности?...

Екатерина, любя славу Россіи, какъ собственную, и славу побѣдъ, и мирную славу разума, приняла сей счастливый плодъ трудовъ Академіи съ тѣмъ лестнымъ благоволеніемъ, коимъ Она умѣла награждать все доспохвальное, и которое оспалось для васъ, милоспивые государи, незабвеннымъ, драгоценнѣйшимъ воспоминаніемъ.»

Примѣт. Сот.

7. *Что видѣ ихъ ужь раждаетъ сплинѣ.*

Вся сія ироническая спрофа не чпо иное, какъ тонкая похвала прекраснымъ нашимъ соотечественницамъ. Такъ Буало, подъ видомъ укоризны, хвалишь Лудовика XIV. Наши дамы соединяють просвѣщеніе съ любезностію и спрогую чистоту нравовъ съ эшой воспочной прелестію, столь плѣнившей г-жу Спаль.

(См. *Dix ans d'exil*).

8. *Ночное небо надъ Невоею.*

Чашатели помнятъ прелестное описаніе Пешербургской ночи въ идилліи Гнѣдича:

« Вошь ночь; но не меркнушь златистыя полосы облакъ.
 Безъ звездъ и безъ мѣсяца вся озаряется дальность.
 На взморѣ далекомъ сребристыя видны вѣприла
 Чуть видныя судовъ, какъ по синему небу плывущихъ.
 Сіяньемъ безсумрачнымъ небо ночное сіяетъ,
 И пурпуръ заката сливается съ златомъ воспока:
 Какъ будто денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
 Румяное утро. Была то година злая,
 Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи;
 Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣняетъ
 Сліянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
 Какимъ никогда не украшено небо полудня;
 Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
 Которой глаза голубые и алыя щеки
 Едва опшѣваются русыми локонамъ волнами.
 Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Пешрополемъ видятъ
 Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни;
 Тогда Филомела полночныя пѣсни лишь кончитъ,
 И пѣсни заводитъ, привѣтствуя день восходящій.
 Но поздно; повѣяла свѣжестъ на Невскія шундры;
 Роса опустилась;
 Вошь полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячью весель
 Нева не колыхнетъ; разѣхались гости градскіе;
 Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ, все тихо:
 Лишь изрѣдка гуль ошъ мостовъ пробѣжитъ надъ водою;
 Лишь крикъ просяженный изъ дальней промчитъя деревни,
 Гдѣ въ ночь окликается ратная спража со спражей.
 Все спитъ »

9. *Какъ описалъ себя Пѣтѣ.*

Въявь богиню благосклонну
 Зришь воспорженный пѣишь,
 Чшо проводишь ночь безсонну,
 Опершися на гранишь.

(*Муравьевъ. Богинѣ Невы*).

10. *Брожу надъ морелиъ.*

Писано въ Одессѣ.

11. *Подъ неболю Африки моей.*

Авпоръ, со спороны мапери, произхожденія Африканскаго. Его прадедъ Абрамъ Пешровичъ Аннибалъ на 8 году своего возраста былъ похищенъ съ береговъ Африки и привезенъ въ Констаншинополь. Россійскій посланникъ, выручивъ его, послалъ въ подарокъ Пешру Великому, копорый крестилъ его въ Вильнѣ. Вслѣдъ за нимъ брашь его прѣвжалъ сперва въ Констаншинополь, а потомъ и въ Пешербургъ, предлагая за него выкупъ; но Пешръ I не согласился возвратишь своего крестника. До глубокой старости Аннибалъ помнилъ

еще Африку, роскошную жизнь опца, 19 братьевъ, изъ коихъ онъ былъ меньшей; помнилъ, какъ ихъ водили къ опцу, съ руками, связанными за спину, между стѣмъ, какъ онъ одинъ былъ свободенъ и плавалъ подъ фоншанами опеческаго дома; помнилъ также любимую сестру свою *Лагань*, плывшую издали за кораблемъ, на кошоромъ онъ удалялся.

18-пи лѣтъ опъ роду, Аннибалъ посланъ былъ Царемъ во Францію, гдѣ и началъ свою службу въ арміи Регента; онъ возвратился въ Россію съ разрубленной головой и съ чиномъ французскаго лейпенаша. Съ стѣхъ поръ находился онъ не оплучно при особѣ Императора. Въ царствованіе Анны, Аннибалъ, личный врагъ Бирона, посланъ былъ въ Сибирь подъ благовиднымъ предлогомъ. Наскуча безлюдствомъ и жестокостію климата, онъ самовольно возвратился въ Песербургъ и явился къ своему другу Миниху. Минихъ изумился и совѣщавалъ ему скрышья не-

медленно. Аннибалъ удалился въ свои помѣшья, гдѣ и жилъ во все время царствованія Анны, счишаясь въ службѣ и въ Сибири. Елисавета, вслупивъ на пресполь, осыпала его своими милостями. А. П. Аннибалъ умеръ уже въ царствованіе Екатерины, уволенный опть важныхъ заняшій службы съ чиномъ Генераль - Аншефа на 92 году опть рожденія (*).

Въ Россіи, гдѣ память замѣчательныхъ людей скоро исчезаетъ, по причинѣ недоспашка историческихъ записокъ, спранная жизнь Аннибала извѣсна полько по семейственнѣмъ преданіямъ.

Сынъ его Генераль-Лейшенантъ И. А. Аннибалъ принадлежишь безспорно къ числу отличѣйшихъ людей Екатерининскаго вѣка (ум. 1800 году).

(*) Мы современемъ надѣемся издать полную его біографію.

П О П Р А В К А.

Въ разгов. Книгопрод. съ Поэпомъ, стр. XXI, стихи 3 и 2 снизу, надобно чашать:

Предвижу ваше возраженье;

Но васъ я знаю, господа:

NB. Всѣ пропуски въ семъ сочиненіи, означенные почками, сдѣланы самимъ авторомъ.

Продается въ книжномъ магазинѣ *И. В. Слѣнина*, у Казанскаго моста, по 5 руб., а съ пересылкою по 6 руб.

У него же продается недавно ошпечатанная книга: Пѣсни проstonародныя, военныя нынѣшнихъ Грековъ, въ стихахъ, переведенныя *Н. Гнѣдигемъ*, изданныя съ Греч. подлинникомъ, введеніемъ, сравненіемъ съ пѣснями Рускими и примѣчаніями. Изданіе украшено каршин., изображающ. нынѣшняго воина Греческаго. С. П. Б. 1825. Цѣна на люб. бум. въ красив. оберш. 6 р., на велен. въ папкѣ 8 руб. За пересылку иногороднымъ прилагаешь не надобно сверхъ означенной цѣны.